

Трудные и жестокие фронтовые будни девушкам-зенитчицам помогала переносить дружба. Эту дружбу многие из них сохранили на много лет, а некоторые подружились на всю жизнь. Самой близкой подругой Веры Харченко (Манзон) стала Лёля (Елена Николаевна) Морозкина.

Елена Николаевна Морозкина после войны стала архитектором и была одной из первых в нашей стране, кто начал борьбу за сохранение архитектурного культурного наследия, – и это в то время, когда по стране еще безжалостно взрывали старинные церкви. Особенно много она сделала для сохранения древней архитектуры Пскова, этому делу она посвятила всю свою жизнь. Её имя хорошо известно в Пскове, и на доме, где она, будучи москвичкой, подолгу жила, установлена мемориальная доска. Истинный подвижник, Елена Николаевна отказывала себе во многих общепризнанных бытовых радостях, видя перед собой одну большую цель и вкладывая все свое время, силы и собственные средства в дело своей жизни. Она написала много книг, и ко второму изданию одной из них – "Псковская земля" из серии "Дороги к прекрасному" – она попросила свою подругу Веру написать послесловие. Возможно, это предложение исходило от самого издательства. И пусть этот текст был в издательстве изрядно отредактирован в казенном духе, все же в нем просматриваются истинные чувства. [Текст прилагается ниже]

Кроме самоотверженного труда по сохранению культурного наследия, Елена Николаевна прилагала много сил, чтобы подвести людей, особенно молодых, к пониманию родной истории и ценности наследия предков – не только писала книги, но и возила молодежь на уникальные экскурсии по историческим местам, увлекательно сочетая в своих рассказах исторические факты с тем, что показывает нам и сохранившаяся архитектура, и археологические раскопки. За свои средства привозила своих студентов в Ленинград, знакомиться с городом-музеем, с его блестящей архитектурой.

Еще одной страстью Елены Морозкиной была поэзия, которую она знала и ценила. И сама писала прекрасные стихи. Именно Вера Харченко и ее муж Израиль Манзон первыми обратили внимание на несомненные достоинства собственных Лёлиных стихов, которые она время от времени читала или присылала им. И они же уговорили ее печатать эти стихи и помогали готовить эти стихи к изданию, сами отдавали их перепечатывать машинисткам, с бесконечными дополнениями и исправлениями, для представления в издательства... Много лет спустя Елена Николаевна писала им: "Ведь это благодаря вам я укрепилась в своем поэтическом творчестве... Верочка поддержала меня еще в армии, а Изя – когда печатал мои 'серые книжки'...". Несмотря на свою всепоглощающую преданность делу, тетя Лёля – такой она была для Вериных дочерей – всегда интересовалась их делами, любила их детей. Иногда, в периоды работы в библиотеках или архивах Ленинграда, она подолгу останавливалась в Верином доме (в коммунальной квартире!), и было большой радостью иметь возможность неторопливо разговаривать с ней по вечерам, черпая новые знания и видя иные грани жизни, обычно скрытые за суетой повседневности.

Уже в поздние годы мужем и другом жизни Елены Николаевны стал известный в Пскове поэт, партизан Великой Отечественной войны Игорь Григорьев. Печальным совпадением было то, что Вера и Лёля овдовели в

один и тот же день... Елена Николаевна ушла из жизни в 1999 году, оставив людям плоды своих трудов и благодарную память.

[Морозкина Е.Н. Псковская земля. М., 1986 (2-ое издание, переработанное и дополненное, 1-ое издание - 1975 г.)]

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Дорога к прекрасному — к своему главному в жизни — у автора этой книги Елены Николаевны Морозкиной шла через Великую Отечественную войну.

...Болота Полесья. Теплый ласкающий воздух — май в полном цвету. Круглая луна стоит над лесом. Соловьи. И зарево пожара в полнеба. Вражеские самолеты только что отбомбили. Умолкли наши зенитки. Эту картину свято хранит сердце...

Восемнадцати лет комсомолка Леля Морозкина (ныне кандидат искусствоведения) ушла добровольцем в Красную Армию и прослужила около трех с половиной лет рядовым в зенитной части. А в зрелом возрасте Елена Морозкина исходила и изъездила Псковщину, которая стала ее второй судьбой. Зодчеству древнего Пскова была посвящена кандидатская диссертация Морозкиной, автора не только научных статей, научно-популярных книг, но и многих стихов.

Елена Николаевна Морозкина — мой дорогой фронтовой друг. Наше поколение, участвовавшее в войне, много повидало. Мы не герои, но гордимся тем, что в тяжелые для Родины годы встали на ее защиту, не жалея своей жизни и молодости, не дожидаясь, пока другие отстоят ее свободу.

Добровольцами уходили лучшие. И поэтому все тяготы армейской службы, тяжелые бои и потери переносили одним сердцем, одной душой. У нас все было общее, хотя все мы были такие разные. Но Леля Морозкина выделялась среди всех. У нее всегда находились силы, чтобы стихами выразить нашу боль, страдания, чтобы добрым юмором поднять настроение, организовать самодеятельность, чтобы сохранить радость жизни. Такой она была в молодости, такой наша Леля осталась и сейчас. Все, что накоплено в душе, с радостью отдает людям, только берите!

Мне не забыть, как было однажды. Раздался телефонный звонок:

— Вера, я в Ленинграде, можно к тебе?

— Конечно.

— Но я не одна...

— Ну, приходите вдвоем.

— Нет, нас не двое, нас много!

— Сколько же вас?

— Одиннадцать человек!

Так в свое «свободное» время Е. Н. Морозкина спешила показать студентам Архитектурного института то, что любила сама. «Какие это будут архитекторы, если они не видели Ленинграда?!» — говорила она. И эта неделя, проведенная всей группой у нас (в тесноте, спали на полу), осталась праздником на всю жизнь.

Лелю всегда привлекало искусство: древняя архитектура Руси, ее связь с историей, дух народа, воплощенный в камне и дереве. Она и диссертацию писала об архитектуре Пскова. Восемьдесят пять памятников было обследовано ею — с обмерами, раскопками, чертежами и фотографиями. Это была работа, в которой соединились зоркость художника, трудолюбие землекопа, терпение архивариуса и закалка фронтовика. Когда была назначена защита, громадный вестибюль перед залом заседаний был весь увешан материалами исследований. Академик М.В. Алпатов, известный ученый, автор «Всеобщей истории искусств», выступая на совете, сказал: «Увидев эти материалы, я подумал, что это отчет о работе целого института лет за пять, а это сделал один человек».

Е. Н. Морозкина открыла и поставила под охрану государства неизвестный памятник архитектуры – Крыпецкий монастырь, созданный четыреста лет тому назад.

Чудесный ансамбль даже в полуразрушенном состоянии восхищает своей красотой.

О такой красоте можно говорить стихами. И у Е.Н. Морозкиной их много: о любви к Родине, к природе, к народу, к истории.

«На мир взираем слишком узко:
Простейшей пользе уважение!
Архитектура — та же музыка,
В живых камнях почти движение.
В столицах изъяснясь одами,
Она в глуши звучит былинами,
Царя в веках над непогодами,
Звеня ночами соловьиными».

А как сказано о строителях:

«На излучине над кручей
Лес сосновый отступил,
Мастера из лучших лучшие
Старались — нету сил!
Стены, башни боевые,
А внутри — твои цветы!
Разыгралася Россия,
Запросила красоты.
Кирпичи лежат, как строчки.
Разнаряженный народ...
Ангелочки
В уголочке
Приготовились в полет!»

Книги Е.Н. Морозкиной всегда проникнуты красотой, поэзией, и хочется пожелать «подруге дней моих суровых» новых творческих успехов. Пусть всегда в ее душе звенят слова:

«...Я несу эстафету,
И надо поспеть
Дорогим
Передать
Дорогое».

Бывшая старшина пулеметной роты, комсорг 289-го Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона старший сержант Вера Харченко.

<http://rusarch.ru/morozkina2.htm>